

Критика и библиография

О.В. Соколов. Битва двух империй. 1805–1812. М.: Астрель; СПб.: Астрель-СПб., 2012. 730 с., ил.

Книга О.В. Соколова, бесспорно, обладает рядом достоинств. Прежде всего необходимо отметить использование автором большого количества французских источников и литературы, что свидетельствует о превосходном владении французским языком, позволившем осветить многие детали, отраженные во французских документах и малоизвестные российскому читателю.

В своем исследовании автор пытается понять: почему Наполеон пошел на Россию в 1812 году? В какой-то степени схожей проблеме посвящена и его работа «Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг.», вышедшая в 2006 г., к 200-летию юбилею битвы трех императоров¹. Текст, посвященный причинам возникновения военно-политического противостояния России и Франции, в обеих книгах практически дословно повторяется. Следует подчеркнуть, что О.В. Соколов не скрывает свои симпатии к наполеоновской Франции и ее императору, противникам же Наполеона, особенно – англичанам и российскому императору Александру I, чаще всего даются самые нелестные характеристики. Такой подход вряд ли вызовет сочувствие у большинства отечественных историков, но это – четкая авторская позиция.

В целом О.В. Соколов исходит из концептуального положения об общих геополитических интересах России и Франции. Вполне обоснованно называя Александра I одним из главных организаторов третьей антифранцузской коалиции, автор при этом делает вывод, что в основе действий российского императора лежала лишь «личная неприязнь к Наполеону Бонапарту», и «ничто не могло остановить поистине одержимую, не знающую никаких доводов разума жажду Александра воевать с Францией» (с. 113). Другой причины для объяснения

его поведения историк найти не смог. По его мнению, «геополитические соображения или вопросы чести и престижа страны никак не могли диктовать Александру враждебность по отношению к Бонапарту и его державе» (с. 74). «Этой личной ненависти, – пишет О.В. Соколов, – будут подчинены все действия царя, ради этого, несмотря ни на какие геополитические интересы, несмотря ни на какую холодность и нежелание вступать в союз европейских монархов, несмотря на надменную, пренебрегающую всеми российскими интересами политику Англии, он будет упорно, буквально пинками, заталкивать всю Европу в коалицию против своего врага» (с. 108). Соответственно вся вина за возникновение военных действий возлагается автором не на Наполеона, как ранее считалось отечественными исследователями, а на российского монарха. Как утверждает О.В. Соколов, «война 1805 г. была развязана исключительно по причине желания и комплексов, обуревавших одного человека – императора России Александра I», причем «ни о каких интересах страны ни царь, ни его подручные и не думали» (с. 108)².

Та же концепция положена и в основу рецензируемой монографии. О.В. Соколов убежден, что Наполеон не хотел войны с Россией, а желал только союза с ней, тогда как Александр I взял курс на войну и хотел нанести Наполеону превентивный удар, чем и спровоцировал нападение французов. Поэтому «было бы совершенно необоснованно не учитывать ту огромную, поистине роковую роль, которую сыграл в истории Европы русский царь Александр I» (с. 706). «Во главе России, – полагает О.В. Соколов, – стоял человек, который поставил во главу угла только одну задачу – удовлетворить чувство личной зависти и мстительности по отношению к Наполеону» (с. 709).

При этом столь сильное чувство будто бы возникло у российского императора еще в начале царствования, когда его теща, супруга маркграфа Баденского, ставила ему Наполеона в пример (с. 76–77).

Едва ли исследователи царствования Александра I, даже признавая его чрезмерное честолюбие, согласятся с таким явно упрощенным объяснением причин антинаполеоновской политики России. Конечно, человеческий фактор в международных отношениях всегда играл и будет играть определенную и довольно значительную роль. Однако политик такого масштаба, как Александр I, при принятии стратегических решений никогда не руководствовался лишь личными мотивами. Мир политики всегда оставался исключительной сферой «государственного эгоизма» и расчета. Даже будучи самодержцем, Александр I был вынужден учитывать в своей политике интересы русской аристократии, придворных группировок и «партий». Из соображений государственной целесообразности он нередко назначал на значимые посты людей, которых недолюбливал или не уважал. Подобными мотивами были продиктованы и многие его внешнеполитические решения. А уж о скольких европейских коронованных особах Александр I отзывался с явным пренебрежением, трудно даже перечислить (легче указать тех, кого он ценил). Тем не менее, он встречался с ними, общался, делал комплименты, заключал договоры и союзы, поскольку этого требовала государственная необходимость.

В книгах О.В. Соколова неоднократно говорится, что русский монарх не учитывал геополитических интересов России. Однако в чем они заключались, автор не поясняет, повторяя лишь, что русская кровь лилась во многом за интересы Великобритании (с. 138). В чем же состояли русско-французские противоречия и насколько совпадали или расходились интересы России и Франции? Основу экономики России составляло тогда крепостническое сельское хозяйство. Внешняя торговля была почти полностью сориентирована на Англию. Не менее важным являлось и то, что главной социальной опорой и стержнем самодержавного строя являлось дворянство, оно же оставалось

единственной общественной силой, единственным сословием, имевшим в империи политическое значение. Только идеалисты могли считать, что царь повелевал Россией в одиночку. Русское дворянство быстро лишало его этой возможности, если политический вектор изменялся не в пользу этого сословия, а самодержец пренебрегал их интересами и настроениями. Как показал опыт XVIII в., в этом случае монархи долго на троне не засиживались и могли потерять не только корону, но и жизнь.

Что же могла предложить Франция на рубеже XVIII–XIX вв. русскому императору и дворянству, благополучие которого напрямую зависело от крепостной деревни и внешней торговли? Идеи свободы, равенства и братства? Отрицание религии? Лозунг «Смерть королям» и французскую гегемонию в Европе?! И после этого дворяне, занимавшие в Российской империи все сколько-нибудь значимые посты на военной и гражданской службе, должны были, признав прогрессивные интересы французских буржуа, убедить свое правительство, что Франция – единственный и естественный союзник России? Напротив, дворянство тогда очень хорошо осознавало, что революционная «зараза» представляет вполне реальную угрозу социальным устоям государства и их личному положению. Ужас, испытанный во время Пугачевского бунта, сохранялся в воспоминаниях нескольких поколений господствовавшего класса. Призрак второй пугачевщины неотступно присутствовал в умах дворян – сравнительно небольшого по численности благородного сословия в многомиллионной крестьянской стране. Русскому дворянству было что терять, поэтому Россия крепостническая (а другой России тогда не было) видела во Франции, сохранявшей к тому времени лишь тень революционных традиций, своего главного идеологического противника. Идеи революции всегда опаснее ее штыков (при условии массового потребительского спроса на эти идеи). Сегодня историки сколько угодно могут рассуждать, что Франция при Наполеоне переродилась и усилиями своего императора старалась адаптироваться под «старый режим». Проблема состоит в том, что русские дво-

ряне, владельцы крепостных крестьян, продолжали пребывать в убеждении, что наследник революции «безродный» Наполеон Бонапарт мало чем отличался от французских безбожников-санкюлотов. Для них он по-прежнему оставался «новым Пугачевым».

Заявляя о «кровожадности» русского самодержца, автор не пытается понять внутреннюю логику его поведения и не учитывает, что именно антифранцузская политика Александра I имела мощную подпитку со стороны русского дворянства. Сын убитого в результате заговора Павла I очень хорошо понимал расклад внутривластных сил в России и знал, на кого необходимо ориентироваться в своих действиях, чтобы сохранить не только власть, но и жизнь. В данном случае российский император исходил из идеологических, социальных и экономических приоритетов русского дворянства. Конечно, при определенных условиях Франция и Россия могли оказаться союзниками. Однако французская гегемония в Германии, нарушавшая европейское равновесие, отнюдь не соответствовала интересам России. Вызывала опасения и агрессивная политика французского императора. С точки зрения основ геополитики англо-русский союз имел тогда гораздо больше шансов на реализацию, несмотря на существовавшие противоречия, взаимные претензии и различия в подходах к решению конкретных задач. Для России буржуазно-аристократическая Англия не являлась тогда главным врагом. Оба государства имели сходные интересы в Центральной Европе, и им оставалось только договориться между собой. Напротив, в случае разгрома Британии Наполеоном Россия оказалась бы без союзников, один на один с могущественной империей, политически и экономически безраздельно доминирующей в Европе. Вряд ли Александр I не просчитывал, что в подобной ситуации победная поступь наполеоновских орлов вскоре направилась бы к российским границам. Такой поход на Восток состоялся бы обязательно – это был только вопрос времени. Именно поэтому союз, заключенный в 1807 г. в Тильзите Наполеоном и Александром I, воспринимался в России как вынужденный,

непрочный и выгодный лишь для Франции, которая могла продолжать борьбу с Англией, гарантировав себя от удара с тыла. Неудивительно, что Наполеон всегда являлся сторонником франко-русского альянса.

Неудачное сватовство Наполеона к сестрам российского императора рассматривается О.В. Соколовым как «пощечина, которую Наполеон получил от русского царя» (с. 712): «Что могло помешать Александру I выдать свою сестру замуж за императора Франции, если бы царь действительно желал мира?», – недоумевает исследователь. «Отказывая Наполеону в руке своей сестры, – пишет он, – Александр толкал императора французов на союз с Австрией и на поддержку поляков; следовательно, это была сознательная провокация, направленная на разжигание военного конфликта» (с. 343). Историк явно забывает как о канонической спорности развода Наполеона с Жозефиной (не получившего папской санкции), так и о том, что если бы французский император получил согласие на брак с русской стороны, то Александр I сразу же потерял бы доверие и уважение к себе как монарху в среде всего дворянского сословия, а это могло стать причиной для очередного дворцового заговора и переворота. В глазах дворян подобный брак неизмеримо больше опозорил бы династию, нежели проигранные сражения при Аустерлице и Фридланде. Именно поэтому для царя, отлично ориентировавшегося в придворных интригах и остро чувствовавшего дворянские настроения, такое решение было совершенно неприемлемым. Что было бы хорошо для сына бедного корсиканского дворянина и наследника революции, являлось гибельным для чести и престижа российского императора.

В тексте книги явно чувствуется желание автора противопоставить «плохого» императора Александра, по вине которого проливалась солдатская кровь, «хорошей» стране России и ее армии. Однако именно Александр I в глазах современников являлся не только помазанником Божиим, но и олицетворением всей Российской империи. Служащие тогда давали присягу не России, но при каждой смене правления они клялись в верности новому

самодержцу. Поэтому, бросая обвинение в развязывании войны российскому монарху, О.В. Соколов автоматически инкриминирует вину всей стране, выполнявшей Высочайшие повеления.

Эти концептуальные ошибки автора затмевают многочисленные мелкие недочеты, разноречивой в оформлении научного аппарата, слабое использование новейших работ отечественных историков. Все это заметно снижает ценность интересных ис-

точниковедческих наблюдений и находок, встречающихся в книге О.В. Соколова.

В.М. Безотосный,
кандидат исторических наук
(Государственный
исторический музей)

Примечания

¹ Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I–II. М., 2006.

² Там же. Т. I. С. 78–79, 96, 127, 128, 131, 140.

Геополитические баталии на «плацдарме» 1812 года: о книге В.М. Безотосного*

На ментальной карте современной российской историографии профессиональная корпорация исследователей Отечественной войны 1812 года занимает весьма заметное место. Она имеет стабильную опору в лице таких институциональных центров, как Государственный исторический музей (ГИМ), Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, Музей-панорама «Бородинская битва», Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года и др., с завидной регулярностью проводит общероссийские и международные конференции, приуроченные к памятным датам изучаемого периода, обладает собственным периодическим изданием – ежегодником «Эпоха 1812 года». Вместе с тем, это – достаточно закрытое научное сообщество. Чтобы получить признание его членов и вести с ними диалог на равных, «претенденту» необходимо стать настоящим эрудитом, научившись свободно ориентироваться в почти безбрежном море источников и овладев творческим наследием предшественников, число работ которых давно уже исчисляется тысячами. Дилетантов, пытающихся с наскока «открыть правду» о войне 1812 года, здесь не жалуют. Относительная закрытость

этого научного сообщества обусловлена и тем, что в нем преобладают представители «военно-исторического направления» историографии¹, которые разрабатывают преимущественно военные аспекты событий 1812 года и, в силу специфики изучаемого материала, тематически редко соприкасаются со смежными профессиональными корпорациями.

Редко, но нельзя сказать «никогда». К числу таких нечастых исключений принадлежит новая книга кандидата исторических наук, заведующего отделом ГИМ Виктора Михайловича Безотосного, увидевшая свет в 2012 г. Ее автор – авторитетный практикующий исследователь, чьи работы об эпохе 1812 года² давно уже завоевали высокую репутацию и у специалистов, и у широкой читающей публики. Более того, В.М. Безотосный – один из лидеров этой научной корпорации, организатор и руководитель ее наиболее впечатляющих коллективных проектов последних лет – ежегодника «Эпоха 1812 года», энциклопедий «Отечественная война 1812 года» (М., 2004) и «Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы» (М., 2011).

Впрочем, его новая монография привлекает к себе внимание не только высо-

* В.М. Безотосный. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М.: Вече, 2012. 272 с., ил.

Рецензия написана при поддержке РГНФ и Фонда «Дом наук о человеке» (Франция), проект № 11-21-08003 а/Fra2.